

УДК 930.1+159.98

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

Мариям Арпентьева

г. Калуга, Россия

Отношения России и Беларуси содержат много тайн и исторических недоразумений вынужденного или «случайного» типа, не избежал этого и XIX век. Он наполнен и трагическими, и героическими, и позитивными, негативными для Беларуси и России событиями. Исследование этих событий ярко демонстрирует, что историческая ответственность на персональном и общественном уровне учит относится к происходящему как важным урокам.

Ключевые слова: ответственность, время, пространство, выбор, вина, стыд.

Среди проблем современного общества одной из центральной является проблематика осознания, переживания и реализации каждым отдельным человеком и сообществом в целом своей ответственности как включенности в жизнь, причастности к ней или – отчужденности от себя самого и мира, соблюдения нравственных норм или отказа от них [1; 2; 3; 4; 5]. Во многом эти проблемы касаются истории Беларуси, в том числе ее жизни

в течение «долгого» века. Длительное время, как известно, Беларусь была частью Речи Посполитой (ранее - Великого княжества литовского или, на "современном" языке, белорусского). В XVI веке в ходе Ливонской войны, Великое княжество Литовское вынуждено было пойти на заключение невыгодной Люблинской унии с Польским королевством, создавшей конфедерацию - Речь Посполитую, что привело к утрате основной части территорий княжества. Государственной религией Речи Посполитой стал католицизм, но большинство же населения современных белорусских территорий оставались православными. По Брестской церковной унии XVI века значительная часть православных иерархов признала верховенство Рима, образовав униатскую церковь. Несмотря на недовольство многих православных, к концу XVIII века большинство жителей современной территории Белоруссии стали униатами и католиками. Однако, споры не закончились и, в результате межконфессиональных, межэтнических и иных социально-политических и экономических конфликтов, разрушительных войн XVII—XVIII веков, Речь Посполитая попала в зависимость к Российской империи. Белорусская часть Речи, остатки Великого княжества Литовского полностью вошли в состав Российской империи. В Российской империи были разрушены основы самоуправления, которые имели белорусские (литовские) города, а также было введено крепостное право и рекрутская повинность. В итоге социально-экономическое и религиозное и культурное господство над белорусским и малороссийским (до 1861 года - крепостным) населением края захватило польское меньшинство, помещики и шляхта. Как писал В. Ф. Гильфердинг: «Такого диковинного явления не сыскать в летописях Древнего и Нового мира, его дано было осуществить России, которая в течение трех поколений могла сносить, чтобы под ее властью, в пространных областях ее державы, русская народность была подавляема, преследуема и даже уничтожаема меньшинством иноземцев. И это она допускала в тех самых странах, где началось гражданское развитие русского народа, где так долго сосредоточивалась его государственная жизнь и его просвещение! Но когда эти области снова возвратились под русскую державу, Россия страдала двумя недугами: неполнотою сознания русской народности и крепостным правом, с которым соединялся аристократический взгляд на простой народ». В силу этих недугов польскому дворянству и шляхетству даны были все права и преимущества над западнорусским крестьянством и духовенством» [2, с.200-201]. В итоге присоединения Беларуси к России давление на народ лишь увеличилось [3, с.1]. Польская, или «панская» вера продолжила свое доминирование: «католическое духовенство и миряне [3, с.1]. то есть сохранялись признаки колониализма (*«внутрироссийской польской колонии»*). Неудивительно, что во время Отечественной войны 1812 года население края воевало в составе обеих противоборствующих армий, а когда в 20-х годах XIX века начались регулярные и большие неурожаи, массовый голод и смерти, Беларусь присоединилась к Польскому восстанию 1830 года, охватившему западную часть территории современной Белоруссии. Поэтому российские власти начали проводить ряд мероприятий, направленных на русификацию края с целью упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством, «культурную реконкисту» [3]. В итоге в течение десятилетия униатская церковь соединилась с православной церковью, было отменено действие Статута Великого княжества Литовского, а через полтора десятка лет белорусский язык в Российской империи стал неофициальным, «белорусским наречием», в страну вернулся также «старобелорусский» - церковнославянский язык. В целом, понятия «русский» и «белорус» были синонимами. По мысли Н.С. Трубецкого, в силу высокой степени этнической и языковой однородности восточнославянских культур, русское самосознание включалось в совместные цивилизационные усилия великороссов, малороссов и белорусов по созданию «высокой» русской культуры» [4, с. 328-329]. Вместе с тем, несмотря на политику русификации и запрещение белорусского языка, появился ряд писателей и поэтов, писавших на белорусском языке (В. Дунин-Марцинкевич, Фр. Богушевич, Я. Лучина и др.). вместе с тем, благодаря социально-экономической модернизации начала

развиваться промышленность, наблюдался демографический рост. Следующее польское восстание, 1863—1864 годов привело к новому скачку роста белорусского самосознания. Задачами имперского правления поэтому в этот период стало ослабление позиций католичества, польского языка и культуры, власти польской шляхты и землевладения, хотя и в политике дальнейшего, *системного обрусения*. Такая *реконкиста* была нужна, чтобы свернуть и снять результаты многовековой польско-католической экспансии, достигшей максимума к 1863 году. Модернизация в результате отмены крепостного права, т.о., сочеталась с политикой обрусения и деколонизации. Этот период вошел в историю как «западнорусское возрождение» 60-х годов XIX века. Как писал В. Ф. Гильфердинг: «Разве мы не платим, в настоящее время, за вину тех поколений, которые, презрев русскую народность в западной Руси, оставили ее под ногами польской шляхты и тем, питая притязания поляков на возвращение «забранного края», сделали установление каких бы то ни было нормальных отношений между Россией и Польшей также невозможными как квадратура круга? Источник польского вопроса находится в западных губерниях, в господстве там польского шляхетского меньшинства над русскою народностью, и только когда этого господства не станет, и надежда его возвратить пройдет, только тогда, говорим мы, но не прежде, польский вопрос перестанет быть неразрешимым» [2, с.212]. К сожалению, этот скачок во многом оказался подавленным: тюремные реформы, закрывшие «бреши», образовавшиеся в управлении государством после отмены крепостного права, не отменили, но подавили готовые взорваться конфликты между «Москвой» и Беларусью. В итоге мы можем однозначно сказать, что в истории этих стран есть весьма много событий, требующих осмысления и говорящих об исторической ответственности. Частично проблемы отношений между Россией и Беларусью разрешил СССР: Белорусская ССР существовала как отдельный регион, имеющий право на язык, культуру и даже особые верования. Однако, многие вопросы остаются болезненными и до сих пор: Беларусь ощущает себя государством демократическим, ориентированным на развитие разных форм самоуправления, европейским государством. Россия же со времен Ивана III и Ивана IV отстаивает «свой путь», путь тотального контроля и репрессий вместо управления и самоуправления. При этом в осмыслении исторической ответственности за многие события «долгого века», в отношениях Беларуси и России, среди разных форм ответственности можно выделить социальную и персональную. Наименее изученной формой является социальная ответственность, в том числе – ответственность историческая. Вместе с тем, актуализация военных конфликтов во всем мире, революций и переворотов ставит этот вопрос на «повестку дня» [6; 7; 8; 9]. Война и революция – массовое действие с огромными по масштабам и глубине последствиями, ставящими вопрос о социальной, в том числе, исторической ответственности. Несмотря на распространённость самого словосочетания «историческая ответственность», его востребованность в СМИ и политических дебатах, в современном общественном сознании, научных исследований в этой сфере мало. Д.А. Томильцева определяет историческую ответственность как «... специфические отношения с прошлым и/или будущим, присущие индивиду, но чаще — какой-либо общности, связанные с вменением вины, признанием заслуг или принятием свобод и обязательств (как добровольным, так и нет), имеющие важное значение для иной общности и/ или индивида, а также влияющие на характер взаимодействий между данными индивидами и/или общностями» [10, с. 23]. Она приводит исследования Дж.К. Олика, который описывает варианты взаимодействия между прошлым и настоящим [11, с. 19-20]. Первый вариант, названный в трудах М. Хальбвакса и Э. Хабсбаума «инструменталистским» или «презентистским», призванным решать актуальные задачи настоящего, он называет «полезным прошлым» (*usable past*): «что мы можем делать с прошлым?». В качестве предмета вменения вины или признания выступают как события произошедшие и события-фальсификации, в том числе в их «новом прочтении». Второй вариант связан с фокусировкой на функционалистские позиции «что прошлое может делать для нас?», - рассмотрение текущего социального контекста и хронологии предшествующих событий. Этот вариант создает массу

разночтения одних и тех же событий. Третий вариант взаимодействия прошлого и настоящего, «не находится под нашим контролем и не функционален» [11, с. 21], но включает изучение «травм прошлого» и их текущей актуализации, «Что прошлое делает нам?» В концепции «исторической или продолжающейся несправедливости» и «продолжающегося ущерба» [12, с. 579, 575] речь идет об актуальных формах социальной несправедливости, например, о дискриминации, истоки которой уходят в прошлое или о явлении, в котором живущие вне условий несправедливости сообщества продолжают испытывать страдания от событий прошлого, поскольку те остались непринятными. При этом «признание вреда не изменит физических условий жизни группы, но восстановит достоинство членов группы» [12, с. 579]. Главное - несоответствие современных средств репарации (возмещения материального ущерба отдельным представителям пострадавшей стороны) актуальному для потомков жертв пониманию проблемы. Исправление «продолжающейся несправедливости» возможно через анализ ее актуальных последствий [12, с. 581–583]. Однако, понимание «продолжающейся несправедливости» выстраивается не только ретроспективно, но и перспективно, оно включает в себя представление о состоянии отношений в будущем: происходящее осмысливается и с позиции предвосхищаемой перспективы [1; 3; 6; 7; 8; 9; 13; 14]. В общем и целом, «способность и стремление к совместности и создает субъектов исторической ответственности, делая возможными взаимодействия по поводу прошлого и/или будущего» [9; 15; 16; 17].

На протяжении веков Беларусь была «перекрестком» многочисленных путей, дорог между Западом и Востоком, Европой и Азией. Здесь подчас в буквальном смысле встречались Восток и Запад, Север и Юг. Географическое положение и народный менталитет Беларуси всегда делали ее открытой влияниям других культур. Возможно, именно благодаря этому и сформировалась одна из главных черт белорусского характера – толерантность, терпимость к иным религиям, взглядам, открытость сотрудничеству и уважение к себе и другим людям, радушие и гостеприимство белорусов. Однако, при этом Беларусь и ее граждане внесли значительный вклад в исследование культур, этносов и саму историю Азии, Африки, а не только Европы. В России ответственность имеет преимущественно индивидуальный характер: даже в историческом измерении, в Беларуси она более гармонична: и индивидуальная, и социальная. Магдебургское право и иные модели, и практики участия населения в управлении страной, а также отсутствие многовекового рабства (феодальной зависимости), свойственной России, сформировали человека и общество, не только и не столько исполняющего приказы, сколько рефлексирующего их суть, их отношение к своей жизни. Для россиян историческая ответственность – достаточно размытое понятие: эгоцентричность сознания и отношений сужает зону ответственности переживанием «вины» в межличностных отношениях. В то же время общество чувствует себя непричастным к собственной судьбе и судьбе потомков. Выход за пределы этого мира – в экзистенциальное измерение – означает столкновение человека с проблемами исторической ответственности как таковыми. У белорусов ситуация менее остра: эгоцентризм ниже, коллективная совесть действует совместно с личной совестью. Люди меньше отделены от национальной «Великой Души», от общечеловеческой культуры: эта душа выходит за пределы души рода, и для ракового больного важно снова прийти в гармонию с чем-то большим, чем семья и род – с Богом. Потому белорусы с готовностью строят и развивают межкультурные, межнациональные отношения. И тогда эта связь выступает как духовное измерение — ощущение связи с чем-то большим и принадлежности к нему. Ну пути к такому воссоединению необходимо остановить «внутренний диалог», диалог повседневного и конечного: душа человека получает пространство и время, чтобы открыть себя и вывести наружу истинно важное. Это можно назвать так: «сдаться важнейшей истине» или «отдать себя важнейшей истине», в результате которой человек приходит к глубокой собранности и покою. Контакт с Великой Душой исцеляет изнутри, человек просто возвращается к Бытию. Это нельзя назвать «работа души», скорее речь идет о «наблюдении душой», благоговении (немецкое «andacht», английское «awe»), которое вводит душу в пространство глубокой преданности:

за переделами активности и пассивности, «добра» и «зла» [18; 19]. Во современных концепциях медиации на Западе также подчеркивается роль переговоров, примирения и разделения ответственности между участниками [19]. Общество нуждается в искреннем, реалистичном понимании произошедшего и принятии опыта насилия и его последствий – в себе и окружающих. Так круг насилия может быть разомкнут: в помощи нуждаются не только жертвы, но и «преследователи». Важно помочь жертве и нарушителю разрешить конфликт: любое преступление есть насилие, вред, причиненный другому человеку или группе, порождает у совершившего лица обязательства по исправлению причиненного вреда (ответственность). Жертва преступления также может нести часть ответственности за ситуацию: наличие и характер такой ответственности являются вопросами, подлежащим изучению. Попытки донести до преступника, что он причинил ущерб и должен предпринять действия для возмещения ущерба, отвечать за его последствия, – второй важный момент реабилитации жертвы и преступника и восстановления отношений. Нормальные человеческие отношения – не означают всепрощения, но предполагают, что никто из участников конфликта больше не чувствует себя ущемленным, не напоминает случившееся другому, не считает другого «врагом» или человеком, с которым невозможно и бесполезно общаться и договариваться. Осознание и примирение основываются на безусловном уважении жизни человека, человеческих взаимоотношений и общества, духовной, а не только материальной, связи людей. Развитие человечества предполагает, кроме прочего, развитие компетентности в насилии, формирование культуры отношения к насилию (культуры насилия) на государственном и общественном, организационном и индивидуальном уровнях: умение преодолевать не только его последствия для «жертв», не только создавать безопасные отношения, лишённые насилия, но и умение помогать тем, кто в современном мире становится преступником, не имея шансов на изменение и осознание сделанного.

Существуют две формы ответственности: личностная и социальная, представленные в разных культурах в виде личностной формы – вины, социальной формы – стыда и интегративной формы – ответственности. Стратегии (особенности) понимания себя и других людей в контексте проблем переживания ответственности в повседневных и психотерапевтических отношениях. В разных культурах формы ответственности различны: культуры стыда воспитывают социальную, культуры вины – личную ответственность. Историческая ответственность в большей мере понимается как ответственность социальная, и, даже в случае персональной ответственности, она носит опосредованный характер: принадлежа к той или иной группе (роду, нации и т.д.) человек может разделять с нею ответственность за то-либо случившееся и/или происходящее. Однако, если мы рассматриваем «ответственность перед историей» и/или ответственность человека перед самим собой с точки зрения истории его жизни и жизни его потомков, тогда понятие о личной исторической ответственности обретает более непосредственный смысл как тот вклад в свое бытие и развитии и развитие и бытие потомков, который человек совершает своим действием и /или бездействием, поступками и отношением. Этот пласт отношений проявляется в повседневной жизни человека и психотерапевтических ситуациях. Социальная историческая ответственность проявляет себя в отношениях групп разного типа и уровня в синхронической и диахронической перспективах, в том числе как актуальный вклад группы в свое развитие и жизнь, жизнь и развитие своих потомков, а также жизнь и развитие окружающих и их потомков. Отношения России и Беларуси содержат много тайн и исторических недоразумений вынужденного или «случайного» типа, не избежал этого и XIX век [3; 20; 21; 22; 23]. Относительно благоприятным оказался для Беларуси, ее языка, народа, культуры, век XX. Однако, и он наполнен трагическими и героическими событиями: историческая ответственность на персональном и общественном уровне учит относится к происходящему как важным урокам.

1. Арендт Х. Коллективная ответственность // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 352 с. С. 205–217.
2. Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство / Сост.: Лебедев С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 496 с.
3. Бендин А. Белорусы в Российской империи. К вопросу о формировании этнической идентичности (вторая половина XIX - начало XX вв.). // История народов России. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, Российский университет дружбы народов. 19-20 мая 2011 г. М.: РУДН, 2011. Сайт "Западная Русь" <https://zapadrus.su/zaprus/istbl/345--xix-xx-.html> (дата обращения 01.02.2018).
4. Шевченко К. В. Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006. // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред. - сост. О. Р. Айрапетов. Т. V. М., 2008. С. 328-329.
5. Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: Сборник научных статей I международной научной конференции 22-23 сентября 2016. / Под ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. — Екатеринбург: ООО Издательство «Деловая книга», 2016 – 214 с.
6. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Тез. докл. IV Летней шк. по вторичным моделирующим системам, 17–24 авг. 1970 г. Тарту: Тарт. ГУ, 1970. С.98–101.
7. Минигалиева М.Р. Проблема ответственности психолога-консультанта // Мир психологии. 2001. №2. С.253- 262.
8. Николаев А.А. Исторические циклы. Вологда : Полиграфист, 2002. - 104 с.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2008. – 368 с.
10. Томильцева Д.А. Феномен исторической ответственности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 23-35.
11. Olick J. K. From usable past to the return of repressed // The Hedgehog review. 2007. № 2. P. 19–31.
12. Spinner-Halev J. From Historical to Enduring Injustice // Political Theory. 2007. Vol. 35, № 5. P. 574–597.
13. Subotic J. Expanding the scope of post-conflict justice // Journal of Peace Research. Vol. 48, № 2. 2011. P. 157–169.
14. Diamantides M. The subject may have disappeared but its sufferings remain // Law and Critique. 2000. № 11. P. 137–166.
15. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. С.-Пб.: Речь, 2000. 320 с.
16. Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. 528с.
17. Арпентьева М.Р. Культуры вины и культуры стыда: многоликая ответственность и развитие человека в сообществе // Международна научна школа «Парадигма». Лято-2015. 20-23 августа 2015 г., Варна. Сборник научни статии в 8 т. Том. 6. Хуманитарни науки / Под ред. Д.К. Абакарова, В.В. Долгова. България, Варна: НИИ «Парадигма», 2015. С. 71-79.
18. Hellinger B. On Consciences. 2007. 18p. URL: <http://www.cf-evajacinto.pt/wp-content/uploads/2013/02/On-conciences-Bert-Hellinger-2007.pdf> (дата обращения 10.07.2017)
19. Хеллингер Б. Источнику не нужно спрашивать пути. - М.: ИКСР, 2005. 308с.
20. Бохан Ю. і інш. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага // Гісторыя Беларусі. — Мінск: Современная школа, 2008. — Т. 2. — 688 с.
21. Круталевич В. А. На путях самоопределения : БНР — БССР — РБ. — Минск: Право и экономика, 1995. — 139 с.
22. Круталевич В. А. Очерки истории государства и права Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2009. — 520 с.
23. Стужынская Н. І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву: 20-я гг. XX ст. / Н. І. Стужынская. — Вільня: 2000. — 256 с.